

УДК 81'42

КРИТИКА ИДЕОЛОГИИ И АНАЛИЗ ТЕКСТОВ

Роготнев Илья Юрьевич

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15; rogotnev05@mail.ru

В статье ставится проблема филологической инструментализации некоторых идей из области политической теории. Рассматриваются концепции К. Маркса, В. Беньямина, К. Гирца, С. Жижека; выявленные принципы анализа демонстрируются, в частности, на материале текстов российских коммунистических лидеров. Делается вывод о возможности интеграции в анализ политического дискурса некоторых идей поэтики, философской критики идеологии, психоанализа. Обосновано выделение в составе идеологии двух связанных феноменов: политико-идеологического дискурса и скрытого кода, который поддается описанию с помощью психоаналитических концептов. Паралогические комплексы, функционирующие в дискурсе, трактуются как политические симптомы, дающие ключ к выявлению скрытого политического фантазма. Художественная литература рассматривается в качестве дискурса, производящего и репрезентирующего идеологические единицы (политическая метафора, политический фантазм).

Ключевые слова: политический дискурс; критика идеологии; политический психоанализ; марксизм; анализ текста.

Введение

Современная политическая лингвистика не испытывает недостатка в инструментах и техниках анализа текстов. Авторы монографии, посвященной этому вопросу, называют в числе используемых подходов лингвокогнитивное исследование политических метафор, политическую риторику (изучение тактик и стратегий речевого воздействия в политической коммуникации), критический дискурс-анализ и др. [Теория и методика 2016].

В настоящей работе обсуждаются такие системы изучения дискурса, как поэтика, философская критика и психоанализ. Конкретный вопрос, который нас интересует, – каким инструментарием анализа текстов располагают нелингвистические подходы к идеологии? Судя по всему, обсуждаемые методы нередко базируются на допущении, согласно которому часть идеологии всегда скрыта от ее носителя и специальный анализ речевых произведений позволяет эту скрытую часть выявить. Работы таких разных авторов, как Теодор Адорно, Ролан Барт или Славой Жижек, содержат общую посылку: если правильно отобрать тексты и применить к ним какие-то нетривиальные интерпретативные процедуры, то мы сможем декодировать («расколдовать») нашу культуру.

Феномен идеологии распадается в политической теории на два связанных, но не тождествен-

ных предмета: идеологический дискурс, производимый в социальном поле политики, и некоторые скрытые символические конструкции, дающие о себе знать не столько в политических манифестациях, сколько в иных областях семиотического поведения (бытовой коммуникации, искусстве, медиапродуктах, массовых зрелищах, академических текстах и проч.).

Поэтика идеологического текста

Наблюдения над идеологическим дискурсом позволяют говорить о его морфологической близости к дискурсу поэтическому. Колоссальная сложность общественных отношений в посттрадиционном обществе требует, чтобы у субъекта была генерализующая концепция, ориентирующая его в континууме социальных фактов: кто я, где я, каковы мои цели, что было с нами в прошлом и что ожидает нас в будущем и т. п. Идеология создает карту реальности посредством фигурального, метафорического языка [Гирц 2004].

В своей книге «Что делать?» Владимир Ленин парирует обвинения в *противопоставлении своей программы [пролетарскому] движению как духа, витающего над бесформенным хаосом* (Ленин 1963: 52). Ленин прекрасно понимает, что оппоненты из среды марксистов пытаются уличить его в «идеализме» – в постановке «субъективного» доктринального руководства впереди «объективного» социального процесса, причем употребленная богословская фразеология долж-

на подчеркнуть реакционный характер ленинских установок. Будучи мастером политической метафоры (и интуитивно понимая тактические свойства политических метафор), Ленин апроприрует это «ядовитое» место и ставит библейский образ себе на службу: *В чем же состоит роль социал-демократии, как не в том, чтобы быть «духом», не только витающим над стихийным движением, но и поднимающим это последнее до «своей программы»?* (Ленин 1963: 52). Понимая фигуральный характер идеологического дискурса, Ленин смело уподобляет пролетариат *бесформенному хаосу* (в Библии – *бездна, воды* – Бытие, 1:2), над которой царит *Дух*, то есть социал-демократическая интеллигенция.

Ленин использует библейское слово, чтобы эффектно репрезентировать отношения между сложнейшими социальными феноменами, которые не только предстают в ленинском фрагменте в яркой образной форме, но и насыщаются эмоциональным содержанием. Следуя мысли К. Гирца, мы должны стремиться к максимально полному истолкованию библейской аллюзии в составе ленинской метафоры – для получения доступа к смыслам ленинской политики. Концепция «партии нового типа», сформированная Лениным, заключается как раз в том, что она претендует не на представительство класса, а на руководство им (метафорически – на позицию Духа, творящего формы). Естественно, что концепция эта выступает как эстетический идеал, который носит возвышенный характер: *Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки* (Ленин 1963: 52). Такова поэтика ленинизма, открытая к умеренной ассимиляции религиозных образов.

Исследования политической метафористики широко представлены в лингвистике [Чудинов 2003; Будаев 2016а, 2016б и др.], однако нам хотелось бы подчеркнуть нелингвистическое измерение данного вопроса. Гирцевское внимание к метафоре и ее роли в организации идеологического дискурса проблематизирует саму границу между текстами литературными и политическими. Литературовед Андрей Зорин, разделяющий гирцевскую концепцию, отмечает: «... утратив монополию на метафору, изящная словесность приобрела взамен привилегированный исследовательский статус, поскольку она является областью и метафоропорождения, и метафоронакопления *par excellence*...» [Зорин 2001: 25]. Следуя этому допущению, А. Зорин анализирует поэтико-политические тексты рубежа XVIII–XIX вв. на предмет запечатленных в них идеологических конструкций.

Таким образом, работы К. Гирца и его последователей позволяют концептуально соотнести

категории «поэтика» и «политика». Политический дискурс может рассматриваться как сфера практического употребления поэтического языка, в то время как поэзия выступает машиной производства и банком для хранения идеологических единиц. Политическая речь наделена поэтикой, а поэтическая речь обладает политическим потенциалом (историк литературы Д.Д. Николаев пишет о «пропагандистском ресурсе» литературного произведения [Николаев 2010: 497]). Литературоведческий инструментарий: тропология, нарратология, интертекстуальный анализ, мотивный анализ и др. – оказывается теоретической системой, пригодной для описания идеологического дискурса. Другой существенный вывод из гирцевских размышлений заключается в том, что литературные тексты оказываются важнейшим источником для понимания механизмов идеологии.

Философская критика идеологии

Если гирцевский подход направлен на герменевтику политического текста, то марксистская критика идеологии может рассматриваться как вариант деконструкции дискурса. Начиная с ранней работы «Немецкая идеология» (1845–1846) Карл Маркс негативно коннотирует интересующий нас концепт, противопоставляя идеологию – свободному духовному творчеству, поиску и выражению истины, подлинному познанию мира. В классическом марксизме понятие идеологии фиксирует аспект **ложного и несвободного** в духовном производстве.

Эта область марксистской мысли получает развитие в работах франкфуртской школы – Макса Хоркхаймера, Теодора Адорно, Герберта Маркузе, а также трудах Дьёрдя Лукача, Луи Альтюссера, Фредерика Джеймисона и др. Большое значение для критики идеологии имела разработанная Антонио Грамши концепция гегемонии. Проект критики идеологии безусловно оказал влияние на французский постструктурализм, в частности на исследования современной мифологии в очерках Ролана Барта, критический анализ систем знания в монографиях и лекционных курсах Мишеля Фуко (в свою очередь вдохновляющих многих современных теоретиков). Попытаемся описать контуры той реальности, которую исследует критико-идеологическая традиция XX в.:

- идеология задействует паралогические комплексы, выступая в качестве мифологии современного общества [Bartes 1957];
- функция идеологической активности господствующих групп заключается в гегемонии; опираясь на концепцию Ранаджита Гуха [Guha 1998], гегемонию можно определить

как «условие господства, при котором... убеждение перевешивает принуждение» [Андерсон 2018: 157];

- идеологическими аппаратами, поддерживающими гегемонистский порядок, выступают школа, церковь, медиа, искусства, литература и иные сферы духовного производства, в которых осуществляется интерпелляция индивидов – их символическое размещение в качестве субъектов внутри идеологического порядка [Альтюссер 2011];
- интерпелляция (или субъекция) опирается на внутренние психические структуры индивида, который обнаруживает готовность к подчинению или иному типу участия в идеологической структуре [Батлер 2002]; таким образом, категории «гегемония» и «субъекция» описывают действие идеологии на двух полюсах – на уровне потребностей власти и на уровне субъекта как точки приложения власти.

Нас, напомним, интересуют возможности инструментализации философской критики идеологии для анализа текстов. На этом уровне мы можем фиксировать прежде всего паралогические структуры. Сергей Зенкин рассматривает понятия «предрассудок», «миф» и «симулякр» в качестве рядоположенных категории «идеология» [Зенкин 2012]. С нашей точки зрения, данные когнитивно-семиотические образования сами являются единицами идеологических систем. В частности, симулякр (знак без референта), не репрезентируя действительность, как раз обнажает идеологический порядок, которому он принадлежит. Так, «кровавые наветы» в массовой религиозной культуре (вроде антисемитских толков о человеческих жертвоприношениях на иудейских «мессах») не отражают, пусть и в искаженном виде, чьи-либо ритуальные практики, но выражают, прежде всего, мифологические коды той религиозной общины, которая этот фольклор продуцирует [Панченко 2002: 153–170].

Теория идеологии принципиально усложняет проблему когнитивной ошибки и заблуждения: разум оперирует мифами и симулякрами отнюдь не в силу недостатка интеллектуальных ресурсов: паралогические образования связаны с имплицитными структурами коллективного мышления. Проиллюстрируем этот тезис, обратившись к учению о «товарном фетишизме», которое выступает центральным моментом марксистской деконструкции.

Согласно Марксу, товар представляет собой единство потребительной стоимости (хлеб – едят, книгу – читают) и стоимости меновой (допустим, 1 мера хлеба = 1 единица денег = 1 книга). Хотя сопоставить хлеб и книгу невозможно ни со

стороны потребления, ни со стороны производства, в товарном мире все продукты эквивалентны друг другу: Библия эквивалентна некоторому количеству хлебов земных. «Прирожденный уравниватель и циник, товар всегда готов обменять не только душу, но и тело со всяким другим товаром...» [Маркс 2017: 140–141]. Товарная форма – «общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами» [там же: 129]. Производя вещи как бы частным порядком (на отдельных предприятиях), мы, тем не менее, включены в коллективный производственный процесс: Федор Достоевский мог писать книги потому, что мог не выращивать хлеб. Эти социальные связи (например между Достоевским и хлебопашцем) не реализованы в отношениях лиц, но передоверены вещам. Производителям «отношения их частных работ кажутся именно тем, что они являют собой на самом деле, т. е. не непосредственно общественными отношениями самих лиц в труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей» [там же: 130]. Остроумие Маркса требует вслушаться в формулировку: отношения (лишь) кажутся тем, что они являют собой на самом деле. В самой феноменальной реальности есть место иллюзии.

Товарный фетишизм – не только экономическая реалья, но и скрытое ядро буржуазной символической вселенной, незримая несущая конструкция капиталистической культуры. Как это отношение проявляет себя в дискурсе (напомним, что в исследованиях идеологии особое внимание уделяется дискурсу поэтическому)?

Авторитетный теоретик марксистского толка Вальтер Беньямин рассматривает в качестве ключевого поэта «эпохи зрелого капитализма» Шарля Бодлера (1821–1867). Беньяминовский литературно-социологический анализ вписывает фигуру Бодлера в социальную структуру Парижа XIX столетия, демонстрируя связи поэта с французской богемой, политической культурой Второй Империи, урбанизацией и рынком товаров и услуг. Описывая бодлеровского субъекта как фланера – праздношатающегося, скользящего в толпе соглядаята – Беньямин раскрывает смыслы фланерства, ссылаясь на К. Маркса: «Если бы у товара была душа – о чем Маркс сказал как-то в шутку, – то она была бы самой проникновенной из всех, когда-либо существовавших на свете. <...> А ведь именно способность проникаться состоянием других – это и есть природа опьянения, которому предается фланер в толпе» [Беньямин 2015: 59]. Момент идентификации субъекта с товарным фетишем Беньямин находит в эпа-

тажных суждениях Бодлера о «священной проституции души» и «религиозном экстазе больших городов» (это состояние, подмечает Беньямин, может быть присуще именно «душе товара») [там же: 61]. Будучи человеком богемы, Бодлер находился в промежуточном состоянии: принадлежа кругу буржуа, он стоит «на ведущей вниз лестнице» [там же: 64]. Это положение не дает возможности господствовать, но дает освобожденное для наслаждения время и позволяет искать утонченные удовольствия в товарном фетишизме.

Таким образом, поэзия Бодлера раскрывает «душу товара» изнутри, она эстетизирует и даже сексуирует отношение «люди/товары». Переходя на язык психоанализа, можно сказать, что в поэзии Шарля Бодлера товарный фетишизм предстает как фантазм – воображаемая/символическая конструкция, которая задает параметры желания и удовольствия. Как видим, критика идеологии может быть выстроена как политический психоанализ. Подчеркнем, однако, что это лишь одна из перспектив развития интеллектуальной практики, учрежденной Марксом.

Политический психоанализ

Психоанализ Зигмунда Фрейда был реинтерпретирован Жаком Лаканом в духе структурализма и постструктурализма. Фрейдовское бессознательное предстает как своеобразный эндогенный дискурс, сопровождающий социальную жизнь индивида. Для описания этого дискурса Лакан вводит категорию «Большой Другой», подразумевая символическое присутствие общества в бессознательном в качестве неустранимого адресата символических действий субъекта (в том числе его «внутренней речи»). В сущности, именно в поле Другого осуществляется интерпелляция/субъекция: быть включенным в идеологический порядок значит быть в отношениях с Другим. В соответствии с лакановскими терминами будем называть скрытые идеологические конструкты Большой Идеологией, от которой мы отличаем собственно идеологический (эксплицированный) дискурс.

Превращение лакановского психоанализа в аппарат политического исследования культуры осуществляет Славой Жижек. Аналитическая методика в данном случае предполагает два уровня интерпретации: прочтение симптома и выявление скрытого, «избыточного» наслаждения, т. е. реконструкцию фантазма [Жижек 1999: 130–131] (симптом и фантазм связаны как поверхностный след и глубинная структура). Идеология – «по самой своей сути фантазматическая конструкция, служащая опорой для нашей “дей-

ствительности”»: “иллюзия”, структурирующая наши конкретные, реальные общественные отношения <...> Функция идеологии состоит не в том, чтобы предложить нам способ ускользнуть от действительности, а в том, чтобы представить саму социальную действительность как укрытие от некоей травматической, реальной сущности» [там же: 52].

С позиций политического психоанализа, именно фантазмы предоставляют субъекту доступ к символической вселенной. Фантазм позволяет развернуть всю реальность и разместить в ней субъекта, а также решает важнейшую задачу – трансформирует отчуждение в наслаждение. Можно сказать, что фантазм является конкретной структурой субъекции и устойчивой мизансценированной драмы «Субъект – Другой».

В качестве примера рассмотрим ницшеанскую деконструкцию христианской этики. В книге «К генеалогии морали» Ф. Ницше подвергает критике учение о грехе и искуплении [Ницше 2005: 272–313], работу христианской «совести» в интерпретации Ницше можно резюмировать – за вычетом тривиальных ницшевских рассуждений о животных инстинктах и их подавлении как «болезни» человечества – следующим образом: *‘Я страдаю. Причина моего страдания – в моей вине перед Богом. Путь к искуплению – покаяние и страдание. И потому я страдаю уже со смыслом (и даже ищу страдания), извлекая из страданий духовную выгоду’*.

Исходное страдание – непосредственный опыт отчуждения индивидов. Пропущенное через христианский фантазм – с его Богом (на месте Большого Другого), жертвующим во искупление нашего греха Своим Сыном, – отчуждение переходит в идеологическое наслаждение. Так на уровне Большой Идеологии христианство превращается в теорию и практику страдания, чем в истоке своем (в проповеди Христа) оно, разумеется, не является.

Выводы и анализ текста

Подведем некоторые итоги.

1. Имеет смысл различать «малую идеологию» как политико-идеологический дискурс и «Большую Идеологию» как область скрытых идей, дающих о себе знать в текстах различных коммуникативных сфер.

2. Дискурс малой идеологии активно использует поэтические ресурсы языка. Художественная литература претендует на роль привилегированного материала для изучения Большой Идеологии. Сопряжение в анализе текстов поэтических и политических представляется продуктивным для понимания идеологического поля.

3. Текст в перспективе критики идеологии можно рассматривать как область проявления политического симптома – паралогических образований.

4. Политический симптом в дискурсе не подлежит трактовке в качестве простой ошибки, сбой (в противном случае он не является симптомом) – напротив, он получает объяснение при реконструкции глубинных идеологических структур, определяющих архитектуру символической вселенной для потребителя идеологии. Эти структуры (или часть из них) могут быть представлены в качестве политических фантазмов – символических/воображаемых конструкций, позволяющих субъектам перейти от травматического опыта Реального к развертыванию относительно комфортной символической вселенной.

Продemonстрируем некоторые аспекты изложенного метода на примере анализа фрагмента из доклада лидера Коммунистической партии Российской Федерации Геннадия Андреевича Зюганова на марттовском 2015 г. Пленуме ЦК КПРФ:

Приближается 100 лет со дня самого выдающегося события XX века и всей истории человечества. Его значение хорошо отразили чеканные слова И.В. Сталина: «Октябрьская революция нанесла мировому капитализму смертельную рану, от которой он никогда не оправится... Именно поэтому капитализм никогда больше не вернет себе того “равновесия” и той “устойчивости”, которыми он обладал до Октября» (Зюганов 2015).

1. Сам текст может быть отнесен к произведениям «малой идеологии», однако в нем, на наш взгляд, дают о себе знать некоторые элементы Большой Идеологии как неэксплицированного ядра идеологического дискурса. Воспользуемся категорией «проблематика», введенной и обоснованной Луи Альтюссером: «Само познание идеологического поля предполагает познание проблематик, которые формируются в нем и вступают друг с другом в противодействие» [Альтюссер 2006: 103]. Речь Г.А. Зюганова затрагивает такие вопросы, как предпосылки революции в Российской империи, роль революции в национальной истории, своеобразие доктрины и организационной структуры большевистской партии. Зюгановская проблематика в существенной степени носит национальный (в широком смысле националистический) характер: трактуемое событие описано в основном в контексте истории страны с сужением горизонта до внутрипартийных вопросов. Цитируемый текст И.В. Сталина (кстати, тоже юбилейный – посвященный 10-летию Октября), напротив, продиктован интернациональной проблематикой: в нем

много говорится о борьбе большевиков с империализмом на стороне поработанных народов (Сталин 1949).

2. Ключевой метафорой комментируемого фрагмента выступает *смертельная рана*. Мы полагаем, что данный троп симптоматичен, и на толковании этого симптома будет построен дальнейший анализ. Отметим здесь, что в сталинском контексте метафора звучит достаточно тревожно: в ней прочитывается предчувствие отчаянной борьбы *мирового капитализма* против своего «убийцы» – советского социализма. В зюгановском контексте этого напряжения метафора лишена.

3. Перейдем к описанию политического симптома. Кажется естественным, что Сталин говорит о предсмертных судорогах капитализма в 1927 г.: совсем недавно окончена Гражданская война, Советская Россия привлекает симпатии рабочих и интеллектуалов во всем мире, начинается деколонизация ряда регионов. В 2015 г. мы, если посмотреть на мир в оптике ленинизма, наблюдаем реставрацию капитализма в России, а также демонтаж социализма по всей Европе; советская власть повсюду уступила формам «буржуазного парламентаризма»; колониальные страны, получив государственный суверенитет, продолжают оставаться в тренде зависимого развития. Метафора становится не просто бессмысленной, а саморазоблачительной. Сталинский и зюгановский контексты настолько разошлись, что апроприация поэтики сталинизма может привести лишь к дисфункции пропаганды и ослабить борьбу за гегемонию. Отметим и еще один симптоматичный момент: сталинская статья в «Правде» датирована 6–7 ноября 1927 г. (ровно к десятилетию Октября), а зюгановский доклад – мартом 2015 г. (до столетия остается еще два года). Очевидное расхождение цитирующего и цитируемого служит для нас ключом к Большой Идеологии КПРФ.

4. Доклад Г.А. Зюганова с его обширной политической симптоматикой позволяет задуматься о фантазме, работающем по ту сторону текста. Фантазм этот разделяется не широкими общественными группами, а какой-то частью самой КПРФ – именно той, что и в XXI в. читает статьи в газете «Правда». Итак, попытаемся этот фантазм реконструировать: *‘Наша партия уже одержала победу в 1917 г. Любые проблемы капиталистической системы, которые мы сейчас наблюдаем, предсказаны нашими классиками и являются следствием нашей Революции. Если сегодня мы и терпим политические поражения, то это никак не отменяет нашей глобальной и долговременной победы. Нам не нужно повто-*

рять революционный подвиг, нам важно лишь сплотиться вокруг партии Ленина – Сталина'. Все политические проблемы Коммунистической партии перекодируются этим фантазмом в признаки грядущей гибели капитализма, а слабость политического лидерства искупается тем, что эти лидеры замещают Ленина и Сталина, подобно тому, как Папа в воображаемой структуре католической церкви выступает наместником Самого Христа.

Обсуждение

На наш взгляд, поэтика политического дискурса, философская критика идеологии и политический психоанализ могут быть встроены в методологию анализа текстов. Такая инструментализация требует, разумеется, методологической проработки, в частности соотнесения представленных идей с достижениями современной политической лингвистики. За границами настоящей статьи остался целый ряд продуктивных, на наш взгляд, концепций, которые также могут быть обращены к непосредственной критике текста. Назовем среди них учение Луи Альтюссера об идеологической проблематике, критический анализ дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, изучение политического бессознательного в литературе (Фредерик Джеймисон).

Обсуждаемые концепции хорошо известны лингвистам и литературоведам. Трудно отрицать, что применение этих идей в анализе ограничено их избыточным импрессионизмом, однако было бы легкомыслием просто игнорировать тексты Славоя Жижека или Дьёрдя Лукача. Если бы «идеокритический» метод мог быть разложен на серию утверждений и обращенных к тексту частных вопросов, то и его результаты оказались бы подвержены методологической критике и последовательной рефлексии относительно локализуемых пунктов дискуссии: что именно вызывает наши возражения? какой этап анализа требует фундирования? какие из высказанных гипотез кажутся нам наиболее реалистичными? и т. п. Такого рода работу с теоретическими текстами мы и подразумеваем под инструментализацией нелингвистических подходов к идеологии, чему и посвящена настоящая статья.

Список источников

Зюганов Г.А. Революционное наследие Великого Октября и задачи КПРФ: Доклад Председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова на мартовском 2015 года Пленуме ЦК КПРФ // Правда. 19.03.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/140505.html> (дата обращения: 20.11.2021)

Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: изд. 5-е. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1963. Т. 6. С. 1–192.

Сталин И.В. Международный характер Октябрьской революции: К десятилетию Октября // Сталин И.В. Сочинения. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. Т. 10. С. 239–250.

Список литературы

Альтюссер Л. За Маркса / пер. с франц. А.В. Денежкина. М.: Практикс, 2006. 392 с.

Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3(77). С. 159–175.

Андерсон П. Перипетии гегемонии / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. В. Софронова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 296 с.

Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / пер. З. Баблюяна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. 168 с.

Беньямин В. Бодлер / пер. С. Ромашко. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 224 с.

Будаев Э.В. Дискурсивный подход к анализу политической метафоры // Культура и текст. 2016а. № 1(24). С. 5–19.

Будаев Э.В. Метафора и социальный мир // Политическая лингвистика. 2016б. № 5(59). С. 172–175.

Гирц К. Идеология как культурная система / пер. с англ. Г.М. Дашевского // Гирц К. Интерпретация культуры. М.: Рос. политич. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 225–267.

Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. Вл. Софронова. М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.

Зенкин С. Ложное сознание: теория, история, эстетика // Зенкин С. Работы о теории: Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 70–85.

Зорин А. Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. / под ред. Л. Ивахненко. М.: ЭКСМО, 2017. Т. 1. 1200 с.

Николаев Д.Д. Литература как пропаганда // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов / отв. ред. О.А. Казнина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 494–594.

Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13-и т. М.: Культурная революция, 2005. Т. 5. С. 229–381.

Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских ми-

стических сект. М.: Обьедин. гуманист. изд-во, 2002. 544 с.

Теория и методика лингвистического анализа политического текста / отв. ред. А.П. Чудинов; Э.В. Будаев, Е.В. Дзюба, О.Н. Кондратьева, Н.Н. Кошкарова, М.В. Никифорова, И.С. Пирожкова, Н.Б. Руженцева, О.А. Солопова, А.П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2016. 308 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003. 193 с.

Bartes R. Mythologies. Paris: Éditions du Seuil, 1957. 267 p.

Guha R. Dominance without Hegemony: History and Power in Colonial India. Delhi: Oxford University Press, 1998. 246 p.

CRITICISM OF IDEOLOGY AND TEXT ANALYSIS

Iliya Yu. Rogotnev

**Associate Professor, Russian Literature Department
Perm State University**

The article deals with the problem of philological instrumentalization of certain ideas referring to the sphere of political theory. Works by K. Marx, V. Benjamin, C. Geertz, S. Žižek are considered; the identified principles of analysis are demonstrated, in particular, on the material of Russian communist leaders' texts. It is concluded that some ideas of poetics, philosophical criticism of ideology, psychoanalysis can be integrated into political discourse analysis. Two related phenomena can be distinguished within ideology: political and ideological discourse and a hidden code amenable to description by means of psychoanalytic concepts. Paralogical complexes in discourse are interpreted as political symptoms that provide a key to revealing hidden political fantasy. Literature is considered as a discourse producing and representing ideological units (political metaphor, political fantasy).

Keywords: political discourse; criticism of ideology; political psychoanalysis; Marxism; text analysis.